

Виктор Пронин

Маленькие слабости

*Часть сборника
Выигрывать надо уметь
(сборник)*

Виктор Пронин
Маленькие слабости

«ЭКСМО»

Пронин В. А.

Маленькие слабости / В. А. Пронин — «Эксмо»,

«С неба сыпался вечерний неторопливый снег, прохожие, слегка ошалеv от одного вида остановившихся в воздухе снежинок, не торопились, оттягивая момент, когда им все-таки придется нырнуть в сухие, пыльные подъезды. В каждом произошла незаметная перемена, словно какая-то прижавевшая щеколда сошла со своего места и подул свежий воздух – прохожие заметили друг друга...»

Виктор Пронин

Маленькие слабости

С неба сыпался вечерний неторопливый снег, прохожие, слегка ошалев от одного вида остановившихся в воздухе снежинок, не торопились, оттягивая момент, когда им все-таки придется нырнуть в сухие, пыльные подъезды. В каждом произошла незаметная перемена, словно какая-то прижавевшая щеколда сошла со своего места и подул свежий воздух – прохожие заметили друг друга. «Батюшки-светы! Народищу-то вокруг! Да все разные, да румяные!»

Казалось бы, сущий пустяк – снег! Какое отношение он имеет к настроению человека? А вот имеет. Оказывается, даже картошка в темном подвале, где месяцами не меняется температура, влажность, освещенность, знает не только о приходе весны – наступление ночи чувствует, откликается на появление звезд, восход луны. Картошка! Подумать только, бесформенный клубок из крахмала и еще чего-то очень полезного для здоровья, томится на закате, волнуется, стремится ввысь, к светлой и достойной жизни.

Вот и прохожие, углубленные в свои заботы, доходы, в ненависти и симпатии, несмело откликнулись на снег, откликнулись и тут же вроде устыдились. Да, ничего не поделаешь, готовность к открытому общению многими стала восприниматься как постыдная слабость. А сила проявляется якобы в сдержанности, а то и в недоступности. Впрочем, возможно, так было всегда, хотя бы потому, что человек на протяжении жизни неизбежно переходит от простодушия и доверчивости к настороженной замкнутости. Усваивание жизненных уроков частенько заключается в этом.

Но речь о другом – на заснеженной улице, залитой розовым закатным светом, у самого светофора, роскошно мерцающего в снегопаде, передо мной вдруг возникло лицо с куцыми усиками и очками в тяжелой оправе. Лицо слегка улыбалось и поощряюще смотрело на окружающую действительность. Дескать, молодцы, очень хорошо, рад за вас, далеко пойдете, продолжайте в том же духе. Лицо лучезарно проплыло мимо, как праздничный воздушный шарик, и лишь когда оказалось за спиной, что-то дрогнуло во мне, как невнятное воспоминание. Обернувшись, я увидел, что обладатель очков и усиков тоже остановился и смотрит на меня несколько озадаченно.

– Чего не бывает на белом свете! – воскликнул он и, шагнув навстречу, сдернул с правой руки добротную перчатку, отороченную белым мехом. От маленькой розовой ладошки с аккуратными ноготочками шел пар. Рукопожатие его было крепким и... как бы сказать поточнее... достойным. Этот человек относился к себе с уважением, имея, по всей видимости, для этого достаточно оснований. – Кто бы мог подумать, что мы встретимся здесь! В такой снег! В таком возрасте! – Он с доброжелательным любопытством осмотрел меня с головы до ног, от кроличьей шапки до черных ботинок, которые, куда деваться, мне самому весьма напоминали ортопедические.

Я узнал его.

И ужаснулся тому, как начисто забыл этого человека. Будто и не было его никогда на белом свете, будто не было нескольких лет в большом южном городе, бесконечных разговоров о будущем, прогулок по раскаленной солнцем набережной, сухого вина в дежурных гастрономах и отчаянной откровенности, несмотря ни на что, вопреки всему, назло самому себе. Неужели были когда-то те молодые, глупые и прекрасные годы!

А ведь были!

– Слушай, да ты вроде не узнаешь меня? – воскликнул он с укором. – Ну признайся, забыл? Вот скажи, как меня зовут?

– Еремеем тебя зовут... Ты почти не изменился, а если и изменился...

– То в лучшую сторону! – подхватил он и засмеялся, откинув голову назад – и эту его привычку я вспомнил. – Сколько лет прошло, сколько лет!

– Да и зим, наверно, прошло не меньше, – добавил я, чтобы немного протянуть время и вспомнить хоть что-нибудь существенное, связанное с этим человеком.

Да, у него было странное по нынешним временам имя – Еремей. Оно ему не нравилось, и когда приходилось знакомиться, а в те времена мы часто знакомились с разными людьми, он называл себя Емельяном, Евгением и даже Евстигнеем, только не Еремеем. Чужие имена не затрагивали его самолюбие. «Называйте меня Евстигнеем», – говорил он. Дескать, можете смеяться над этим именем, писать его на заборах, рифмовать в срамных четверостишиях – мне на это наплевать, меня зовут иначе. Этакая своеобразная маскировка.

Мы отошли в сторонку, чтобы не мешать прохожим, и с полчаса предавались беспорядочным воспоминаниям о старых временах, приятелях, красивых девушках, а тогда, надо сказать, все девушки были красивыми, одно их слово могло и осчастливить, и уничтожить, каждая держала в руках твою судьбу, будущее, твою победу или поражение на вечные времена. Но даже уничтоженный, отвергнутый и осмеянный, ты мог искренне наслаждаться своим героем, потому что знал наверняка – впереди безбрежный простор лет и запросто можно все исправить, по-своему переиначить. А сейчас – что делать, – сейчас ты болезненно чувствуешь локтями стены бетонного коридора, в котором живешь, по которому снуешь каждый день взад-вперед, понимаешь, насколько ограничен круг людей, с которыми общаешься. Отношения с ними выверены и определены на годы вперед, это исключает неожиданности, и ты постепенно перестаешь даже ожидать их, более того – начинаешь их опасаться. Появление в твоей жизни нового человека почти невероятно, да и сам делаешь все, чтобы этого не случилось. Просто не хватает духу для сближения с новым человеком, он утомляет, раздражает, отнимает время, вот что страшнее всего – он отнимает время, которое, и ты сам это знаешь, все равно не использовать никак иначе.

Считается хорошим тоном шумно радоваться таким вот встречам, хлопать друг друга по спине, причем посильнее, пусть знает старый приятель, что ты не так уж и дряхл. Положено блистать именами, датами, ценами на те непритязательные вина, одни названия которых поныне волнуют и выволакивают – выволакивают из прошлого картины прежней, глупой и счастливой жизни. Но такие встречи и выбивают из колеи, обезоруживают. Каких бы вершин ты ни достиг, с какими бы людьми ни поякшался, на лице твоём видны утраты, отказ от тех недоступных целей, которые когда-то тешили твое самолюбие. Зная свои слабости, уступки, зная, где продешевил, а где откровенно сдался, ты чувствуешь неловкость, будто обманул чье-то ожидания, подвел хорошего человека...

– А знаешь, – неожиданно предложил Еремей, – пошли ко мне, а? Посидим, старое помянем, а? Пошли?!

– Может, как-нибудь в другой раз... Созвонимся, – залепетал я, презирая себя и стыдясь.

– Как ты сказал? – рассмеялся Еремей. – Созвонимся? Ну, ты даешь! Что такое «созвонимся» – я знаю. Это значит «отстань».

– У меня кое-что намечено... И как-то неловко...

– Старик, ты шел по улице прогулочным шагом. Так не торопятся. Так дышат воздухом. Подышим вместе. На, держи! – Ныряя в телефонную будку, он сунул мне плоский, с цифровым замочком чемоданчик.

Я повертел его в руках, полюбовался отделкой, даже постучал пальцами по крышке – во всем была видна нездешняя добротность. Эти чемоданчики почему-то называют «дипломатами». Не иначе как дипломаты ходят с такими вот вызывающе непрактичными емкостями. Что в него можно положить? Какую-нибудь очень важную депешу, а то и целое международное соглашение, ультиматум, например, или договор о дружбе и сотрудничестве, о помощи в случае нападения третьей державы. Лайковые перчатки можно бросить в такой чемоданчик, когда

входишь в иностранное посольство. Конечно, внутри есть кармашки для авторучки с золотым пером, плотная пачка денег сюда поместится – ею можно поощрить резидента разведки. Да, и пистолет. Нетрудно догадаться, что это должен быть вороненый бесшумный пистолет, специально предназначенный для устранения нежелательных свидетелей, соучастников, а то и собутыльников. Трехзначный номерной замок, вмонтированный под черной ручкой, ясно говорил, что не так просто добраться до секретов государства, на которое работает такой предусмотрительный дипломат, как мой старый друг Еремей.

А сам он, закончив разговор, вышел из телефонной будки в распахнутом светлом тулупчике, окруженный нарядными клубами розового пара.

– Все в порядке, старик! – сказал он. – Нас ждут. Единственное, что необходимо сделать, – это раздобыть бутылочку поприличнее. Только что собственной рукой, вот этой самой, – Еремей вынул из перчатки и показал маленькую растопыренную ладошку, – я отрезал тебе пути к отступлению. В данный момент, – он выбросил руку вперед, оголив запястье, и посмотрел на сверкнувшие металлическими гранями часы, – в данный момент Людмила расстилает на столе самую нарядную скатерть, которую только нашла в доме. Ты слышишь треск? – Он поднял вверх указательный палец, и низкое зимнее солнце опять сверкнуло на гранях часов. – Это горят мосты за твоей спиной!

– Да, действительно, что-то стало жарко... – пробормотал я, понимая, что отступить некуда.

– Наоборот, старик! – расхохотался Еремей. – Что-то стало холодать! И нам с тобой пора поддать!

– Ты сказал – Людмила... Это та самая Люда?

– Какая? А, ты имеешь в виду еще ту... Нет, не та! – Еремей досадливо махнул рукой. – Другая. Гораздо лучше.

– Лучше той?

Еремей посмотрел на меня понимающе, усмехнулся, оттопырив узенькие усики, успокаивающе похлопал по плечу.

– А та... Вы не встречаетесь?

– Знаешь, я упустил ее из виду. Мы как-то потерялись. Бывает. Да! Она звонила мне несколько лет назад! – с некоторой горделивостью воскликнул Еремей. Впрочем, в его голосе прозвучало и легкое пренебрежение. – Пошли-пошли, вон в том гастрономе неплохой винный отдел... А как сам-то здесь оказался?

– Командировка.

– Надолго?

– Неделя... Дней десять... Как получится.

– Много работы?

– Не думаю, – ответил я. – Тут важно само присутствие. Значит, говоришь, она звонила?

– Кто? Ты о ком? А! Звонила. И, как обычно, некстати. Представляешь, уже вечер, я балдею у телевизора, жена, то-се... А тут звонок! Поднимаю трубку, начинается дешевый провинциальный розыгрыш: ты меня узнаешь, ты меня не узнаешь, угадай, кто звонит, забываешь старых друзей, ну и так далее. Наконец называет себя, предлагает встретиться, поболтать, косточки общим знакомым перемыть. Говорит, что в городе ненадолго, проездом...

– Где она работает?

– Не угадаешь! Какая-то концертная бригада, их последнее время развелось как...

– И что же, вы встретились?

– Что ты! Конечно, нет. На кой черт? Нет, ты скажи – на кой черт?! – Еремей, шагавший немного впереди, неожиданно обернулся. – Ну, представь, появляется человек из прошлого и предъявляет какие-то права на тебя, на твоё время, настроение... Да, с этим человеком у тебя

связаны не самые худшие воспоминания, ну и что? Приглашает на концерт, представляешь? С женой, говорит, приходи, похвастайся приобретением. Шутит, надо понимать.

– А ты?

– Я спрашиваю: а по телевизору ваш концерт не будут показывать?

– А она?

– Повесила трубку. Ты же ее знаешь... Но тебе, старик, я рад. Честно. – Еремей как вышел из телефонной будки в распахнутой шубейке, так и не застегивал ее, и были во всем его облике легкость, неузвимость и... и, наверно, все-таки было довольство собой, хотя, в общем-то, по случаю встречи я мог бы этого и не заметить. – Приятно встретить человека из старой гвардии, – продолжал Еремей. – Человека, который не сковырнулся, не скопытился, который еще держится, черт побери!

– Да мы все, в общем-то, держимся.

– Нет, старик, нет! Многие наши сошли с дистанции, многие. Валик погряз в квартирных склоках, жалобах, заявлениях, разменах... Ты, наверно, слышал, он всем об этом пишет, жаждет сочувствия и понимания. Дедуля стал рефрижераторщиком, знаешь? Погнался за большими деньгами. Теперь месяцами смотрит в зарешеченное окно служебного купе. Как обезьяна из бродячего цирка. При этом вроде что-то выстукивает на пишущей машинке... Что он может выстучать – не знаю. А Игоря посадили.

– Слышал. Там со взяткой какая-то невнятная история.

– Сам виноват. Он мог вывернуться. Запросто мог.

– Значит, не получилось.

– А я говорю – мог, – сказал Еремей таким тоном, что я просто вынужден был сделать еще одно маленькое открытие – он не привык, чтоб ему перечили. – Игореша оказался слабаком. Его раздавили комплексы. То ему удобно, это ему неудобно... Нужно ясно отдавать себе отчет в том, что о справедливости может думать кто угодно, но не человек на скамье подсудимых. А он начал что-то толковать о справедливом приговоре, искуплении, возмездии... Никто его даже не понял.

– А ты что, был на суде? – удивился я.

– Был. Специально поехал. Может, думал, полезным окажусь. Куда там! Но судом наслаждался. До отвала наелся. Представляешь, судья спрашивает у того типа, который Игореше взятку всучил, – он у вас требовал деньги? Нет, говорит, не требовал. Может, намекал? Нет, не намекал. Тогда судья криком кричит: зачем же вы ему взятку принесли?! Ну как же, отвечает тот тип, он столько для меня сделал... Все так поступают. Я, говорит, порядочный человек... Во как! Представляешь? Тогда судья приступает к допросу Игореша. Вы признаете, что взяли деньги у этого человека? Признаю, отвечает. Почему вы это сделали? Ну как же, говорит, неудобно, человек принес от всего сердца, не возьму – обидится... Пришлось взять. Во мужик одурел, а?! – Еремей захохотал. – Слабость, говорит, проявил. Больше, говорит, не буду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.